СТРАНА
ПРОХЛАДНЫХ СУМЕРЕК

1993–1997

* * *

такой ненужный дождь —
как мы,
        но только безучастней...
так что же?
            что же,
                    что ж...
ненастье, как ненастье;
несчастье — так несчастье;
к тому же и нечастый
такой ненужный дождь —
как мы,
        всего лишь бессердечней,
древней всего на вечность,
и оттого беспечно
неукротимый нож
вонзающий в сердца
                упрямых мертвецов —
как мы,
        но будто бы счастливей
в бессмертном тленьи линий,
в стране отцветших лилий,
повернутых лицом
на горький свет Полыни, —
как мы,
        едва ли по-иному;
привычная обнова —
такой ненужный дождь...
и снова,
        снова,
                снова
волхвы слыхали слово —
им не дано иного,
как нам,
        да только бы не слышать:

там — выше,
                выше,
                        выше —
стучится кто–то в крыши;
беспомощней и тише
сквозь капли ты идешь
все ближе,
             знаешь,
                        ближе
туда, где сладко дышит
такой ненужный дождь —
как мы,
        как все,
                как надо;
как те, кого ты ждешь;
кто нас положит рядом
в такой
        ненужный
                  дождь;
кто взыщет нашу дань
и разрешит в награду
бессмысленно взлетать,
невозвратимо падать

Socorro, May'93

* * *

И потеря любви,
        словно реинкарнация, —
Искупленье двоих
        в колеснице времен.
Ты скажи: эта жизнь, —
        ты скажи: коронация.
Я свяжу миражи
        неоткрытых имен.
Цепи лягут на дно,
        облегая предплечия,
И по капле вино
        изольется из глаз. —
Так грамматика встреч
        обратится в наречия,
В телефонную речь
        и в кавычки от фраз.
Так история тел
        не минует окружностей,
Достигая предел
        нецелованных стран;
Так привидится мне
        в неизбежной ненужности:
Между нею и ней —
        океан, океан...
Между мною и мной —
        грань едва ли в монетную.
Но уже не дано
        ни купить, ни сменять
Облигации слов,
        разносимых поветрием
За недвижным стеклом
        от меня до меня.

И найти не могу
        все, что ветер разбрасывал
На февральском снегу
        в наш таможенный час.
Все последние дни
        внесены в декларацию...
Лишь губами коснись,
        понимая тотчас,
Что потеря любви —
        словно реинкарнация...

Socorro, May'93

АПРЕЛЬ

он уже не придет —
он еще не ушел;
не родился еще —
умер только однажды.
он ступает на лед,
режет лезвием шелк
и в разрезы течет,
наполняя их жаждой.
он из небытия,
из разбитых полков,
из Москвы в Вифлеем,
и к рассвету — обратно.
он взлетает, смеясь,
и прощает легко
и уходит совсем —
без тревог,
без возврата.

Socorro, Apr'94

* * *

в третью четверть Луны,
уходящую медленно к югу,
больше нечего ждать:
только сны,
        как всегда, —
завороженным сумрачным кругом —
окружают собой...
            в третью четверть Луны
бьют куранты отбой
в тишине распростертого мрака,
и восходит созвездие Страха
        за чужую любовь,
            за ушедших друзей,
                за забытых врагов...

Socorro, Apr'94

"International Delhi"[1]

Утром
небо опустится ближе,
чтобы снова принять в себя
несвершенные нами ошибки
и последнюю мудрую песнь
Черного Воина.[2]
Утром
небо окажется лишним,
когда на стальных цепях
и дрожа от натуги обшивкой,
будут рваться во влажную взвесь
бустеры "Боинга".
Позже
небо наполнится полднем,
испаряя в останках дней
незалеченные наваждения
и бессмысленно алую кровь
в изголовье постели.
Позже
небо научится помнить
с каждым вдохом сильней и сильней
все начала и все завершения,
и для нас в них откроется вновь
"International Delhi".

Tuscaloosa, May'94

* * *

я закрою глаза —
пусть им снится апрель,

пусть мерещится май,

зацветает июнь,

высыхает июль,

август падает вдоль
сентября с октябрем,

и ноябрь не придет...

я закрою глаза —
пусть им снится весна,
хоть весна и сама

лишь химера

из сна.

и в закрытых глазах
пусть рождается ложь,
пусть мерещится страсть,

зацветает погост,

высыхает река,

небо падает вдоль
всех попутных ветров...

и ноябрь не придет

вновь и вновь,

вновь и вновь,

вновь и вновь.

Socorro, Sep'94

Тонаванда.[3]

случайный город...
рассветает
под перестук дождя
майнстрит
мотель
ступеньки вниз
там доктор Джекиль
устав от таен
играет в Хайда
спускаясь с неба
в сутулость лиц...
и в прозу улиц
сталелитейных
вплетен поэмой
в двенадцать слов
невозмутимый
Рейнтри Айленд[4]
такой последний
из островов...
все так похоже
на карусели
в неслышном танце
слепых монад...
молчало небо
слова немели
и громче звука
пел водопад...

Tonawanda, Sep'94

* * *

мне приснился сон, в котором осень
бусы разбирала под окном:
двадцать шесть жемчужин —
с изморозью просинь —
пел слепой Иосиф...
всё, о чем попросишь,
всё вернется сном;
сном, в котором снова только поле
в синих залежавшихся снегах:
и, опять простужен,
темный город болен
чьей-то лишней болью
об истертых солью
берегах...
и о всем о том, о чем не спросят,
и о тех, о ком не знает он,
посреди жемчужин,
костыли отбросив,
пел слепой Иосиф...
и об этом в осень
мне
приснился
сон.

Bonn, Oct'94

* * *

среди стран в зачерствевшей дорожной пыли,
в городах за чужими дверями
мы друг друга так долго искали,

что нашли

и, найдя, —
не узнали

в незачеркнутых памятью лицах столиц,
в отражениях хайде[5] на улицах Кельна,
где рифмуется с золотом зелень невольно

у земли,

на которой
так больно...

у земли в перезвонах осенних молитв,
в облаках из бессмысленной стали
мы сегодня друг друга узнали...

только лишь,

лишь еще
не нашли.

Dwingeloo–Leer, Oct'94

Den Lille Havfrue[6]

волна...
волна пришла опять,
смеясь;
губами, белыми от соли,
зацеловала ступни всласть
и унеслась —
и унесла
забвенье
боли...
зачем-то снова будет день —
мерцанье лиц,
касанье пальцев;
зачем-то кровь стремится властно вниз —
к воде
и к отражениям скитальцев,
что были призваны судьбой
на миг,
на час,
на всякий случай
забыться с бронзовой рабой
и в забытьи
любить
и мучить;
и знать, что только вечность впереди,
что приговор давно назначен,
что этих слез не видит ни один:
идут дожди,
когда русалки
плачут.

Copenhagen, Oct'94

Polonaise Flamenco[7]

на Старем Мясте[8]
где спит извозчик
и смотрят пристально
испанские глаза
все так смешалось
над Польшей осень
и только жаль
что как всегда
уже нельзя назад
и в нарушение
пустой грамматики
без правил пишется
без запятых
глаза испанские
глядят внимательно
и все уходит в них
и только в них
все растворяется
в тумане утреннем
и знаки древние
растут у троп
зачем же были мы
такими мудрыми
где ивы плакали
среди ветров
зачем за стенами
река безмолвствует
и в башне ратушной
огонь горит
зачем стучимся вновь
мы в осень польскую
и просим двери те
нам отворить

мы этой просьбою
разбудим кучера
и он спросония
стегнет коня
и все закружится
и над Ворсовией
глаза испанские
простят меня.

Warsaw, Oct'94

Каинова смерть.

на часах половина
.....
на руке старый шрам
.....
на губах слабый привкус
.....
на глазах тишина
.....
на столе злые письма
.....
на постели следы
.....
на окне чье–то имя
.....
на стене полотно
.....
за стеною застенок
.....
за окном задний двор
.....
за столом сонный Авель
.....
за постелью портрет
.....
за губами погоня
.....
за глазами виски
.....
за часами полнеба
.....
за рукой рукоять

и уже

никого

никого

не догнать...

Socorro, Oct'94

* * *

при
кос
но
ве
ни
е...
рука,
обжегшись о знакомое,
немеет,
но тепло
течет —
сквозь пальцы,
с кровью,
сквозь глаза,
и между слез,
и через ткани,
где все запретно так
и так давно разрешено —
дилеммы
и ожоги
и слова
в условностях склонений
над лицом,
касающимся
рук...

Tuscaloosa, Nov'94

Последняя тысяча вдохов.

сумасшествию
нет причины,
даже если осталась
последняя
тысяча вдохов...
но взрываются
в венах мины —
неотвеченная эпоха
наползает на свет
картины...
и опять без нее
так плохо
и безумно
без сладких строчек
из обмана
и сожалений...
день, как камера–
одиночка:
так болезненно
бесполезен,
словно сон
о забытой ране —
неисполненная потеря...
кто за сердцем
сегодня
крайний?..
ничему,
ничему
не верю!..
не смотри мне в глаза —
ослепнешь,
опалишь
без огня
ресницы...

плачет зверь
у открытой
клетки:
перестань мне,
пожалуйста,
сниться!..
растворяются
в небе
окна,
зажигаются
в окнах
свечи,
отражаются
свечи
в стеклах,
бьются стекла
о синий
вечер...
и по улицам
бродит
мудрость —
нерастраченная утрата...
даже если бы
все вернулось,
сумасшествию
нет
возврата...
сумасшествию
нет
начала...
не смотри мне в глаза —
забудешь,
как с волною
волна
прощалась

в безучастных
приливах
будней...
и тогда
не останется
с нами
неотвеченная
эпоха,
сумасшествие
между снами
и последняя
тысяча
вдохов.

Charlottesville, Nov'94

* * *

слова — пусты,
когда уже не стало боли
и не осталось смысла
быть больным...

скупая горечь немоты,
когда уже нельзя себе позволить
быть...
иным.

мой труп звучит во мне
и с каждой нотой пульса
растет,
как дерево
и как дитя.

вокруг зеркал чужих планет
свивает кольца плен конвульсий
и ждет
уверенно
и нехотя.

в крови разбился в брызги смех
необязательных напутствий,
записанных
в недвижный
приговор.

и мне уже не слышно всех,
кто обещал, что я смогу вернуться,
когда не станет больше слышно
никого...

Charlottesville, Jan'95

* * *

Ночь в небесах, луна в пруду
среди застывших отражений...
В пустом покинутом саду
скользят неслышимые тени.
И шорох платий в тишине
неотличим от шума листьев.
Двенадцать фей в беззвучном сне
тропой проходят серебристой.
И исчезая в полутьме,
двенадцать фей ступают мерно...
И не спросить, и не суметь
узнать их тайны эфемерной.
Стоит высокая луна,
и серебро струится с ветром.
Ночная сонная страна
хранит волшебные секреты.
И замирая, снова жду
безмолвной драмы повторенья,
когда средь ночи — раз в году —
в пустом покинутом саду
скользят неслышимые тени.

Charlottesville, Apr'95

Фея Сонора[9]

в притворившийся
призрачным
город,
в одиночества
полночных
улиц
входит сонная
фея
Сонора —
с нею те,
кто еще
не проснулись...
с нею те,
кто еще
не остались,
на нашлись,
не нашли,
не посмели
в перекрестках
из камня
и стали
угадать
вдохновение
цели...
в этом шествии
каждый
беззвучен,
безначален
и бес-
поворотен —
словно время
в разрывах
излучин,

словно небо
в застывшем
пороке...
и опять
от себя
отвернулись,
мы в предчувствии
полночи
скорой,
и молчим...
и вдоль брошенных
улиц
в притворившийся
призрачным
город
входит сонная
фея
Сонора

Tucson – CV, Jan'95

Декабрьская бессонница.

Декабрьская бессонница
нагрянет ношей влажною...
волхвы звезде поклонятся,
простившись с третьей стражею.

И стрелки недоверчиво
сойдутся в заполуночьи
над ложем гуттаперчевым,
над памятью неумолчной,

где струнами разорвано
бесчисленное прошлое,
и сердце беспризорное
стирает лица в крошево,

где в небо над закатами
ведут пустые лестницы—
там жизням неугаданным
все не выходит встретиться...

Кружится снег над пропастью,
и опьянев от таинства,
в привычной одинокости
осколки душ слетаются

в ненайденные осени,
где, соблюдая очередь,
листвы надежду сбросили
деревьев многоточия...

Опальными союзами
осколки судеб мечутся,
и по свету неузнанной
бредет разлука с вечностью,

и пошлиной неплаченной
восходит одиночество
во все, что не растрачено,
во все, что напророчится...

И эта ночь нечаянно
до неба вдруг дотронется
в декабрьское прощание,
в декабрьскую бессонницу.

Socorro, Dec'95

Вкус матэ[10]

Дышит преданно холодом ёлок рождественских город...
И горчит на губах полуночное первое матэ...
В колокольчиках наскоро ветер запутался зимний...
У подножья разлуки сгорает недвижный Канопус...[11]
Все дороги упрямо уходят на юг до рассвета...
Аргентинская самба[12] на белом песке замирает...
Мы касаемся наших забывчивых губ ненарочно...
Незнакомые звёзды собой заслоняют от ветра...

Опустевшая высь засыпает средь шороха крыльев...

Дышит холодом ёлок рождественских преданный город...
В колокольчиках зимних запутался наскоро ветер...
Незнакомые звёзды от неба себя заслоняют...
Замирает над белым песком аргентинская самба...
У подножья разлуки Канопус сгорает недвижно...
До рассвета на юг все дороги уводят упрямых...
Мы касаемся наших забывчивых губ ненарочно...
И горчит на губах полуночное первое матэ...

Socorro, Jan'96

* * *

пять желтых роз
              и красная свеча
в незимнем городе,
              в незимнем декабре...
врасплох застигшая печаль,
невозвращения печать —
и, в полушаге от дверей,
ладони тщатся отогреть
пять желтых роз
              и красная свеча...
в отсветах полночных
              холодных фонарей
вдруг так легко не замечать,
как жизнь уходит
                    невзначай,
вагон прощается, стуча
на стыках сердца —
                    и молчат
за неоткрытостью дверей
в таком незимнем декабре
пять желтых роз
              и красная свеча.

Bonn–Atlanta, Apr'97

La Villita[13]

второй этаж
                терраса над каналом

и остывающий

                капуччино...

январским ветром
                волну нагнало
дождём январским
                нас разлучило

слепое небо...

                рестораны

святой Антоний
                бредёт в пустыне

исходят кровью чужие раны

чужое сердце
                от ветра стынет

и к югу сносит
                печаль рекою
и в небе проседь
                и нет покоя —

второй этаж
                терраса над каналом —
и нет покоя

но есть причина

волнам у ветра
            искать начало

а сердцу стынуть

сердцу

стынуть

San Antonio—Alfter, Jan'96–Aug'97

Примечания

1) "International Delhi" — название небольшого кафе рядом с университетским кампусом в Тускалузе (Tuscaloosa, AL).

2) Черный Воин (Black Warrior) — река, протекающая через Тускалузу.

3) Тонаванда (Tonawanda, NY) — пригород Буффало, расположенный поблизости от Ниагарского водопада.

4) Рейнтри Айленд (Raintree Island) — район в Тонаванде.

5) хайде (heide, *нем.*) — низина, заливной луг; типическй ландшафт в Фризии (на северо–западе Германии и в Голландии).

6) Den Lille Havfrue (*дат.*) — "Русалочка".

7) Polonaise Flamenco — польское фламенко.

8) Старе Място (Stare Miasto) — название рыночной площади и прилегающих кварталов старого города в Варшаве.

9) Сонора — пустыня в Аризоне, Калифорнии и северо–западной части Мексики.

10) матэ (mate, *арг.*) — травяной чай первоначально распространенный среди индейских племен в Андах и Патагонии; имеет характерный горький привкус, напоминающий вкус крепкозаваренного зеленого чая.

11) Канопус — самая яркая звезда в созвездии Киля, находящемся в южной части неба.

12) самба (zamba, *арг.*) — музыкальный и вокальный стиль популярный в Аргентине, Чили и Уругвае; сочетает в себе элементы испанского (coplas) и итальянского (canzone) фольклора с музыкальными традициями индейских племен Патагонии. Как музыкальный стиль не имеет ничего общего с бразильской самбой (samba).

13) La Villita (Ла Вийита) — историческая часть Сан Антонио (San Antonio, TX).